

Летние каникулы пронеслись стремительно. Чу Вэй почти не покидал стен родного дома.

Помимо упорных тренировок и учебы, все свое время он посвящал дедушке — здоровье старика ухудшалось с каждым днем.

Сначала он просто перестал ходить, и Чу Вэю приходилось поддерживать его под руку при каждом шаге. Потом слабость окончательно сковала тело: старик почти не притрагивался к еде, а его тихий, угасающий голос едва удавалось расслышать.

Чу Вэй собственными глазами видел, как медленно, капля за каплей, уходит жизненная сила старика, но остановить это увядание был не в силах. Тело дряхлело, органы отказывали один за другим, и обратить этот процесс вспять не помогло бы никакое чудо.

На душе у Чу Вэя скребли кошки, но перед дедушкой он неизменно держался бодряком. Каждое утро, пока полуденный зной еще не успевал раскалить воздух, юноша бережно выносил старика на руках во двор, подставляя его лицо мягким лучам солнца.

Он читал ему вслух, рассказывал всякие небылицы и даже брал обычную сухую ветку вместо меча, устраивая во дворе целые представления.

Всякий раз, стоило Чу Вэю закончить, дедушка слабо улыбался и хриплым, прерывистым голосом хвалил внука:

— Какая красота... Ну и молодец же ты у меня.

Чу Вэй пытался связаться с родителями. Он ходил к общественному аппарату на окраине деревни, но если в начале года по нему еще можно было дозвониться, то теперь набранный номер упрямо молчал.

То ли они сменили контакты, то ли просто обрубали все связи.

В конце концов Чу Вэй оставил бесплодные попытки и больше ни на кого не рассчитывал, выхаживая дедушку в одиночку.

С тех пор как для несчастного семейства Ван возвели кумирню, жена старосты каждое утро заводила одну и ту же рутину: лично вела местных жителей читать заупокойные молитвы. И пусть Буддийские чётки внешне оставались прежними, сам староста медленно, но верно шел на поправку. Временами он даже приоткрывал глаза и мог вымолвить пару слов.

Видя это чудо, деревенские окончательно уверовали в силу слов Чу Вэя. Теперь их и подгонять не требовалось: люди толпами тянулись в кумирню жечь благовония и читать сутры, до смерти боясь пропустить хоть день и навлечь на себя месть усопших.

Вся округа словно притихла — спеси и злобы в людях заметно поубавилось.

В конце августа, прямо перед началом учебного года, дедушка все-таки угас.

Перед самым концом Чу Вэй неотлучно сидел у его постели. Старик прошептал, что видит покойную супругу — она пришла забрать его с собой. Он просил Чу Вэя не горевать, уверяя, что такая легкая смерть в преклонных годах — это благословение, истинная радостная тризна.

Чу Вэй пододвинул табурет поближе к изголовью и, мягко улыбнувшись, тихо произнес:

— Дедушка, я знаю.

Вот только сквозь эту натянутую улыбку по щекам его одна за другой покатались крупные, тяжелые слезы.

Единственным, что дарило хоть каплю утешения в эти скорбные дни, было незримое присутствие Шифу.

Чу Вэй не был одинок.

— О чем лить слезы? — негромко произнес Хуа Жун, присаживаясь рядом. — Твой дедушка сам сказал, что это светлый уход.

Глядя на поникшие плечи своего ученика, он невольно нахмурился, но мальчик не мог видеть сочувствия в глазах наставника. Чу Вэй ничего не ответил, лишь молча опустил голову еще ниже.

Не зная, как унять эту боль, Хуа Жун лишь протянул руку и ласково взъерошил юноше волосы, безмолвно его утешая.

Дедушка испустил последний вздох глубокой ночью. Чу Вэй неотрывно смотрел, как навек закрываются родные глаза. А в следующую секунду он увидел, как от брэнного тела отделяется и медленно поднимается призрачный силуэт.

Вот только усопший смотрел вовсе не на внука — его взор устремился на пустое пространство рядом с Чу Вэем, туда, где стоял Хуа Жун. На лице духа сперва отразилось крайнее изумление, сменившееся пониманием, а затем — облегченной, умиротворенной улыбкой. Старик беззвучно зашевелил губами, словно вверяя кому-то своего внука, после чего растворился в ночной прохладе.

— Дедушка... он только что говорил с вами? — тихо спросил Чу Вэй.

— Ни о чем важном, — мягко уклонился от ответа Хуа Жун.

Раз уж Шифу не желал распространяться, Чу Вэй не стал допытываться. Он и сам прекрасно понимал, о чем могла идти речь — старик наверняка просил позаботиться о его сироте.

Похороны устроили скромные, однако проводить покойного в последний путь явилась вся деревня. В день погребения каждый житель до единого отвесил земной поклон перед свежей могилой.

В глазах односельчан Чу Вэй давно перестал быть обычным деревенским подростком. Теперь они смотрели на него со смесью благоговения и глубинного страха. Всякий раз, заговаривая с ним, люди заискивающе улыбались.

Впрочем, Чу Вэю не было до этого дела. Проводить дедушку со всеми почестями — вот единственное, что его заботило. После похорон он долго ходил сам не свой, погруженный в глубокую скорбь. От него веяло таким холодом, что никто из соседей не осмеливался проронить при нем ни слова. Даже простоватый Чэн Даню, обычно не отличавшийся чуткостью, в этот раз притих и больше не вился за ним следом.

Вслед за траурными днями подоспела пора возвращаться к учебе. Буквально накануне отъезда в школу Чу Вэй получил странную, наглухо запечатанную посылку.

Их деревушка находилась в такой глуши, что ни одна курьерская служба сюда не доезжала — отправления обычно приходилось забирать самим на почтовой станции в уезде, и доберется ли до тебя адресованная вещь, во многом зависело от чистого везения.

Однако этот сверток доставили прямо к околице на приличной машине. Водитель молча передал коробку первому встречному и тут же уехал, не обронив ни слова о том, кто отправитель.

Местные, уже почитавшие Чу Вэя чуть ли не за всесильного мастера мистических искусств, побоялись даже взглянуть на коробку краем глаза, не то что вскрыть. Они снарядили самого шустрого паренька, чтобы тот пулей доставил груз к дверям юноши, и поспешно скрылись.

Оглядев матово-черную коробку, Чу Вэй инстинктивно потянулся к ней духовным чутьем. Никакой темной энергии от свертка не исходило — самая обычная вещь. Вот только кроме адреса и имени получателя на этикетке не было ровным счетом ничего. Как вообще почта приняла такое отправление?

Покрутив загадочный предмет так и сяк, Чу Вэй в конце концов поддался любопытству и сорвал упаковочную ленту.

Каково же было его удивление, когда под слоем защитной пленки обнаружился новенький,

сияющий свежестью смартфон. В него даже сим-карта была уже заботливо вставлена. Телефон так приятно лег в руку, что даже не искушенный в мирских благах Чу Вэй сразу понял: вещь невероятно дорогая и качественная.

И все же... от кого этот щедрый дар?

Юноша вновь тщательно исследовал упаковочную бумагу, пытаясь вычленить хоть крупницу остаточной духовной ауры, но следы чужого присутствия были настолько смазанными и хаотичными, что определить происхождение посылки оказалось невозможно. Внутренний голос подсказывал, что принимать столь дорогую вещь от неизвестного лица не стоит. Но телефон был так хорош, что юноша никак не мог заставить себя убрать его обратно в коробку. Он завороченно вертел аппарат в руках, не в силах скрыть мальчишеского восторга в глазах.

Чу Вэй лихорадочно соображал. Единственным, кому он заикался о своем желании, был Шифу. Неужели это его подарок? Но ведь наставник — всего лишь бесплотный дух, лишенный физической оболочки. Как бы он сумел повернуть подобное в мире людей?

Пока он предавался сомнениям, воздух в комнате едва заметно заколебался. Почувствовав родной всплеск духовной энергии, Чу Вэй с радостной улыбкой поднял глаза.

Хуа Жун смотрел на сияющий экран в руках юноши, и в уголках его губ затаилась едва заметная, теплая улыбка, которую он и сам не осознавал.

Чу Вэй радостно помахал аппаратом в воздухе:

— Шифу, Шифу, посмотрите! Настоящий телефон!

— Вижу, — отозвался Хуа Жун привычным, бархатистым и ровным голосом.

— Шифу, так это... ваших рук дело? — Чу Вэй затаил дыхание в предвкушении ответа.

Ведь он всего разок заикнулся о том, что не отказался бы от средства связи, а наставник тут же исполнил его маленькую мечту.

Хуа Жун завел руки за спину. В глубине его темных глаз сквозила мягкая усмешка, но тон остался по-прежнему величественным:

— Из-за какой-то безделушки столько шума?

Радость переполняла Чу Вэя через край. Обладая наставник осязаемым телом, юноша, верно, от избытка чувств прямо сейчас крепко обнял бы его.

— Шифу, но как вам удалось достать его?

Хуа Жун изящным движением расправил полы халата и опустился на деревянный стул:

— У твоего наставника найдутся свои пути.

С этого дня телефон превратился в главное сокровище Чу Вэя. Прежде ему никогда не доводилось пользоваться подобной техникой, но природная сообразительность и дельные советы Шифу сделали свое дело — юноша быстро во всем разобрался.

Первым делом он решил отыскать то самое приложение «Невыразимое», о котором рассказывал мастер Ляокун, и запустил скачивание. Увы, мобильная сеть в деревне оказалась отвратительной. Скорость упала почти до нуля, и после нескольких безуспешных попыток загрузка то и дело обрывалась.

Чу Вэй рассудил, что в уездной школе с интернетом дела пойдут веселее, так что торопиться некуда. К тому же заряд батареи таял на глазах, а в его старом доме даже негде было зарядить аккумулятор. Подумав, он выключил аппарат и бережно убрал его в ящик стола.

Ранним утром в день отъезда Чу Вэй долго ждал у дверей, но Чэн Даню так и не пришел. Поспрашивав соседей, он выяснил, что Даню уехал еще на рассвете вместе с родителями — тот даже не подумал дожидаться своего постоянного попутчика.

Чу Вэй стоял на пороге своего опустевшего дома. Посмотрев на зашторенные окна, он лишь крепче сжал лямки старого рюкзака. Отныне он действительно остался один-одинешенек.

"Впрочем, одному даже лучше"

"У меня нет ни родителей, ни дедушки, да и друзья мне без надобности. Главное, что рядом всегда будет мой Шифу"

Перед уходом Чу Вэй наложил на входную дверь защитный талисман, наглухо запечатав весь дом от незваных гостей, после чего закинул рюкзак за плечи и зашагал по тропе, ни разу не обернувшись. Теперь он вернется на эти пороги нескоро — разве что после сдачи выпускных экзаменов.

Лишившись балласта в виде Даню, Чу Вэй решил срезать дорогу через дремучий горный лес, куда обычные люди соваться опасались.

Он вихрем неся сквозь густую чащу, взмывая к верхушкам сосен и перепрыгивая через поваленные стволы. Его стремительный силуэт распугивал стаи диких птиц, а внизу, среди густого подлеска, оставалась лишь смазанная серая тень. Не прошло и получаса, как он уже стоял у черты города.

Школа Ичжун ютилась на окраине уезда. Обычная провинциальная школа, куда съезжались ребята со всех окрестных деревень и поселков. Преподавательский состав тут звезд с неба не хватал, но это было аккредитованное учебное заведение. А значит, каждый ученик получал шанс сдать государственные экзамены и благодаря собственным мозгам вырваться из этой глухомани.

Чу Вэй с начальных классов шел круглым отличником. Он неизменно возглавлял списки лучших сначала в деревенской школе, затем в уездной. За блестящие успехи его полностью освободили от платы за учебу и общежитие, оставив лишь расходы на питание, да еще и выделили небольшую стипендию на карманные расходы.

Городок казался куда оживленнее его сонной деревни. Здесь тянулись ровные ряды лавок, шумели супермаркеты, мерцали вывесками компьютерные клубы — словом, было все необходимое для цивилизованной жизни. Выйдя из лесной тени в неприметном тупике, Чу Вэй отряхнул одежду и спокойным шагом направился к учебному корпусу.

Стоит заметить, что в Ичжуне Чу Вэй слыл местной легендой. Во-первых, за феноменальный ум его превозносил весь педагогический состав, а во-вторых, выдающиеся внешние данные обеспечили ему негласный титул первого красавца школы. Куда бы он ни шел, взгляды окружающих невольно устремлялись ему вслед.

При этом сам юноша вел себя на редкость сдержанно, его лицо почти никогда не выражало эмоций, а от всей его фигуры веяло такой морозной, горделивой отстраненностью, что мало кто решался подойти к нему близко. Так что близких друзей у него не водилось. Одноклассники предпочитали любоваться им со стороны, словно редким цветком, цветущим на недостижимой круче.

Первым делом Чу Вэй направился в общежитие, чтобы скинуть дорожную сумку. Спальня была рассчитана на шестерых, но поскольку многие старшеклассники жили неподалеку и каждый день уходили домой, в его комнате числилось всего четыре человека.

С переходом в выпускной класс учеба поглотила всех без остатка. Кто мог себе позволить, съехали на квартиры поближе к школе, чтобы не отвлекаться на шумных соседей. Теперь, перед началом занятий, коменданту предстояло заново распределить оставшихся по свободным комнатам. Но этими организационными вопросами учителя обычно занимались уже после официального открытия семестра.

В комнате никого не оказалось, хотя чужие сумки на кроватях говорили о том, что соседи уже приехали и, скорее всего, убежали в учебный корпус. Чу Вэй мельком глянул на койку Чэн Даню — тот действительно уже успел бросить свои вещи на матрас.

Юноша равнодушно отвел взгляд, разложил свои нехитрые пожитки, отнес матрас с одеялом проветриться на крышу и, вооружившись тетрадами и выполненной домашней работой, поспешил в учебное крыло.

Школьная территория была крошечной, так что от общежития до учебного класса можно было пройти буквально за пять минут, если срезать путь мимо столовой.

С утра намечались лишь переключки да короткий классный час, а вот после обеда предстояло попотеть: генеральная уборка, получение новых учебников, сдача летней домашней работы и окончательное распределение мест в общежитии. Уроков сегодня не было, но расслабляться не приходилось.

В классе пока было полупусто, но гул стоял невообразимый. Те немногие, кто успел прийти пораньше, лихорадочно переписывали друг у друга летние задания. Бумажные листы летали из рук в руки; не подпиши хозяин свой бланк, разобрать, чья это работа, было бы решительно невозможно — все ответы были списаны под копирку.

Стоило Чу Вэю переступить порог, как разговоры разом смолкли, и все присутствующие уставились на него с неприкрытой надеждой. Поймав эти умоляющие взгляды, юноша сразу все понял без лишних слов.

Мысленно вздохнув, он привычным жестом достал из рюкзака пухлую стопку аккуратно исписанных бланков и положил на край учительского стола.

— Смотрите не порвите, — спокойно обронил он и направился к своему привычному месту в самом конце класса.

Когда он снова поднял глаза, учительский стол был абсолютно пуст — его тетради в мгновение ока растащили по всему кабинету. Подобная суматоха повторялась из года в год после каждой каникулы, превращая списывание в своего рода школьную традицию.

Классный руководитель, прекрасно знавший повадки своих оболтусов, благоразумно не показывался все утро, давая им возможность закончить «работу над ошибками».

Чу Вэй откровенно скучал. Подперев голову рукой, он прикрыл глаза, решив немного вздремнуть — сказывалась бессонная ночь, которую он провел за изучением загадочного подарка Шифу.

Он уже почти провалился в сон, как вдруг чей-то оглушительный вопль бесцеремонно выдернул его из полудремы:

— Молния! Сенсация! В нашу захудалую школу переводят новенького! Говорят, парень приехал прямиком из Столицы!